

О ТЕРМИНАХ И ТЕРМИНОЛОГИИ

Е.Е. Brooks

TERMS AND TERMINOLOGY

Специальная, т.е. терминологическая, лексика служит для обозначения различных производственных процессов, орудий производства, сырья, выпускаемой продукции и т.п., и именно человек дает всему новому название.

Специальная лексика, в отличие от ее общеупотребительных эквивалентов, служит для разграничения близких понятий, используемых в определенном виде деятельности людей. Д.С. Лотте одним из первых указал на свойство термина быть элементом системы: «Термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так как он:

- 1) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста;
- 2) может употребляться изолированно, например в текстах реестров или заказов в технике;
- 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии» [1, с. 112].

Добавляя к этому, Г.О. Винокур указывал, что «в роли термина может выступать всякое слово... термин – это не особое слово, а только слово в особой функции» [1, с. 112]. Через принадлежность к определенной терминологии термин получает однозначность и независимость от контекста, в отличие от слов-нетерминов. Благодаря этому профессиональная лексика незаменима для лаконичного и точного выражения мысли в специальных текстах, предназначенных для подготовленного читателя. Такие тексты называются научными текстами, которым характерен научный стиль изложения с его информативностью и лаконичностью. Изложение в таких текстах рассчитано на логическое, а не

на эмоциональное чувственное восприятие. То есть, основными качествами научного стиля являются: подчеркнутая логичность, смысловая точность, информативная насыщенность, объективность изложения, скрытая эмоциональность, обобщенно-отвлеченный характер изложения, использование отвлеченной лексики.

Многочисленная терминология представляет именно этот лексический пласт. В. Уэвель говорит: «Я называю **терминологией** систему терминов, употребляемых при описании предметов естественной истории» [7, с. 402]. Терминология – это орудие, посредством которого делается точное наименование. «...Кто только возьмется за изучение какого-нибудь отдела науки, – продолжает тот же историк науки, – тот сейчас же увидит, что без технических терминов и твердых правил не может быть надежного или прогрессивного знания» [7, с. 403].

Неопределенный смысл обыкновенного языка не может обозначать предметов с твердой точностью, что необходимо при научном исследовании. Для этого может служить только механизм научной фразеологии, необходимость в которой чувствовалась в каждой науке с самых ранних периодов ее прогресса. В другой своей работе В. Уэвель так свидетельствует о сущности в науке терминов: «Почти каждый успех науки ознаменован новообразованием или усвоением технического выражения. Обиходный язык имеет, в большинстве случаев, известную степень вялости или двусмысленности, подобно тому, как ходячее знание (common knowledge) обычно включает в себе нечто расплывчатое и неопределенное» [3, с. 541].

По мере того как наше познание становится точным и чисто разумным, мы требуем также точного и разумного языка, который равномерно исключал бы неясность и фантастику – такого

¹ Аспирант НОУ ВПО «Российский новый университет» (Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ).

© Брукс Е.Е., 2014.

языка, каждое слово которого должно сообщать твердую и строго ограниченную мысль. Такой язык – язык науки – возникает через пользование техническими выражениями. Прогресс в использовании технического научного языка представляет два различных, следующих друг за другом периода: в первый период технические выражения образуются попутно, как они случайно представляются; во втором периоде технический язык составляется сознательно, с определенным намерением, со вниманием к связности, с выдвиганием на установление системы.

Но термин, как выяснено было ранее, по общему свойству языка должен быть соотносительным с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым. Это последнее есть определение термина, но не «вербальное», каковое никакого термина создать неспособно, ибо не производит синтеза, а определение реальное, которое Уэвелль называет «объяснением понятий – explication of conceptions» [3, с. 542]. Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится. Так, исследование законов падения тел привело к вопросу о том, которое из определений **постоянной силы** правильно: то ли согласно которому она порождает скорость, пропорциональную **пространству**, или же то, по которому эта скорость пропорциональна **времени**. Спор о *vis viva* (живой силе) свелся к вопросу о правильном определении **меры силы**.

Через полвека мы встречаем те же мысли, возникшие, по-видимому, самостоятельно на почве исследования методологии знания у Анри Пуанкаре, одного из наиболее талантливых и широко мыслящих ученых конца XIX и начала XX веков. Одной из важнейших функций дискурсивного творчества Пуанкаре признает созидание научного языка. «Трудно поверить, как много может одно хорошо выбранное слово “экономизировать мысль”, выражаясь словами Маха» [4, с. 23]. Например, физики изобрели слово **энергия**, и это слово оказалось необычайно плодотворным, ибо оно творило закон, «элиминируя исключения, ибо оно давало одно и то же имя различным по содержанию и сходным по форме вещам» [4, с. 24]. «...Вся творческая деятельность ученого, по отношению к факту, исчерпывается **речью**, которою он его выражает» [5, с. 163].

Существует много причин возрастания объемов специальной лексики в современном мире. Научно-техническая революция ведет к возрастанию лексических единиц для решения целого

ряда задач. В первую очередь это необходимость для обозначения вновь открывающихся явлений природы, закономерностей в обществе, сюда входит создаваемая человеком продукция, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. По мере расширения границ человеческих знаний растет и потребность в новых определениях понятий, как в освоенных, так и в новых областях науки и техники, и, соответственно, расширяется словарный состав, причем расширение идет, в основном, за счет новых терминов.

Анализ структуры и функций языков для специальных целей первоначально коснулся языков науки. Само понятие «язык науки» появилось впервые в работах философов, в частности в работах по философии науки и в трудах представителей направления лингвистической философии [6, с. 9]. В своей лекции по теме «Термин» для Духовной академии П.А. Флоренский писал, что «Всякое техническое наименование, в какой угодно области знания, вводится определением, а это последнее предполагает за собою некоторое экзистенциальное суждение [7, глава VII] – суждение о **существовании** того комплекса признаков, который связывается воедино выставляемым определением, свидетельствует о **возможности** такого комплекса, а также утверждает его устойчивость, т.е. пребываемость этого комплекса, его внутреннюю организованность, внутреннюю связность и единство». Иными словами, всякое техническое выражение, действительно нужное мысли, предполагает и внутреннюю связность того, к чему это выражение относится, – а значит, служит **синтезу** многих слов.

Таким образом, терминология рассматривается как особая подсистема лексики литературного языка, которая обеспечивает выполнение специальной профессиональной коммуникации и определяет номинацию профессиональных предметов, признаков, действий, явлений. Ядром терминологии являются однокомпонентные термины, на базе которых строятся более сложные терминообразования. Поскольку термин – это слово или словосочетание в особой функции выражения специального понятия, то в терминологии происходят те же лексико-семантические процессы, что и в лексике общелитературного языка.

Всякая наука – система терминов. Поэтому жизнь терминов и есть история науки, все равно какой. Изучить историю науки – это значит изучить историю терминологии, т.е. историю овладения умом подлежащего ему предмета знания.

Литература

1. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учебник для студентов филологического и лингвистического факультетов высших учебных заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 174 с.
3. Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной / пер. с англ.; под ред. В.Н. Ивановского. – М. : Издание магазина «Книжное дело», 1900; – Изд. 5-е испр. и доп., 2011. – 832 с.
4. Научный текст и его категории. Основы научной речи : учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. – СПб. : Академия, 2003. – 228 с.
5. Пуанкаре А. Наука и метод / авторизованный перевод Б. Кореня / под ред. проф. Н.А. Гезехуса. – СПб., 1910. – 239 с.
6. Пуанкаре А. Ценность науки. – М., 1906. – 261 с.
7. Уэвель В. История индуктивных наук / пер. с 3-го англ. издания М.А. Антоновича. – СПб., 1869. – Т. 3. – Кн. XVI. – Гл. IV. – С. 402–403.